

ВРЕМЯ И МЕСТО

Стиль калейдоскопа

Илзе Лиела между Андреем Рублевым и Владимиром Сорокиным

Майя Крылова

Илзе Лиела любит мужа Вячеслава, сотрудника компании «Кока-Кола». По утрам балерина и актриса делает упражнения с гантелями, она соучредитель центра пилатеса (особой гимнастики), ее дважды пытались исключить из хореографического училища за высокий рост, а ее кошку зовут Екатерина Гельцер – в честь русской балерины, в бывшей квартире которой когда-то поселился Марис Лиела, а теперь живет его дочь.

Но эти подробности остались на обочине нашей беседы. Илзе не торопилась отвечать даже на вопрос о своей последней премьере. Обозревателю «НГ» было твердо указано: давайте говорить спонтанно, а не по заготовкам. В этих условиях про юбилейную дату актрисы (информационный повод беседы) интервьюер просто побоялся спросить. И решил: что ж, импровизация так импровизация. Тут в глаза бросился драгоценный крест на шее Илзе...

- Илзе, в последние годы вы постоянно говорите, что существует одна истинная ценность – вера. Остальное как бы мнимость. Искусство тоже? Но вы продолжаете быть активно действующей актрисой.

– Тогда надо делать выбор. Либо бросать то, чем ты занимаешься (что, кстати говоря, сделал мой брат Андрис), либо идти по выбранному пути, который у каждого свой. С одной стороны, есть закономерность в том, что мы родились в этой стране, в этой семье, попали на это место в жизни. С другой, великий певец Шаляпин после каждого выступления в роли Мефистофеля исповедовался и причащался, но продолжал петь. Так ли это было хорошо? Может быть, мы просто не выросли до того, чтобы сказать себе: этот путь для меня исчерпан и надо идти другим, более высоким путем?

Для меня балетная часть жизни давно уже стала не желанием, но послушанием. Продолжаю заниматься балетом не потому, что хочу танцевать, а потому, что жизнь предлагает мне ситуации, которые мне гораздо сложнее принять, чем отвергнуть. Балет – это трудно, мучительно, это внутренняя борьба с собой. Легче было бы сказать: все, этим не буду больше заниматься. Но пока не дают, что-то еще нужно сделать. Не могу сказать, что балет мне не нравится и что он надоел. Но я определенно от него устала.

С некоторых пор Илзе Лиела относится к балету как к послушанию.

Фото Дмитрия Куликова

– Как актриса, вы можете сказать, что качественно сделанная артистом роль и есть проявление божественного? В отличие от плохо сделанной роли. И можно ли определить: «Черный квадрат» Малевича – это высокое или низкое?

– Альфред Шнитке говорил, что в процессе творчества тебе дается откровение, но к этому долго готовишься. Надо корпеть, корпеть, и вдруг получаешь подарок. Ты совершенно точно знаешь, что это дар свя-

не я закрытая, это человек не может сделать так, чтобы я ему открылась.

Не всегда ты что-то делаешь, потому что это высокое и серьезное, иногда берешься за дело по совершенно другим поводам. Бывает, что на проект собираются такие хорошие люди, что просто хочется работать в такой компании. А получится или нет – уже не так важно. Моя последняя премьера в драматическом театре – «День рождения Синей Бороды». Андрей Максимов написал пьесу специально для меня. Сначала мне что-то не понравилось, и я хотела отказаться. Но вдруг поняла, что если он сейчас уйдет с моим отказом, это будет совершенно неправильно. У нас в начале ноября была премьера, и потом мы сидели с актерами у

не, рядом на улице, это не волнует глубоко – так, глазом скользнула, и все.

– У вас в квартире вперемежку висят иконы, портреты Мариса Лиелы и Пушкина...

– Пушкин сам нашел для себя место на стене, рядом с эскизом головы Иоанна Крестителя работы Александра Иванова. Моя любимая книга – «Евгений Онегин». Я читаю в концертах отрывки из восьмой главы. Иногда зовут станцевать, а в ответ предлагаю: давайте я вам читаю. Это для меня большое удовольствие, в отличие от танцев в сборных концертах. Мне очень приятно, когда они в ответ говорят: «Давайте». Был такой случай: я выступала в зале церковных соборов храма Христа Спасителя,

ну. Это моя первая характерная роль. Сначала выхожу теткой, которая кормит кур, потом становлюсь тайным агентом, посланным в замок Синей Бороды.

– Ходили слухи, что вы собираетесь играть Иду Рубинштейн.

– Да, есть такой проект. Это идея брата Андриса, он и будет ставить вместе с режиссером Владимиром Ивановым. Пьеса называется «Необузданная Ида». Мне очень интересна личность Рубинштейн: почему, имея красоту, богатство, успех, она так рвалась в театр и почему последние пятнадцать лет своей жизни провела в монастыре? Это не будет биография. Стиль калейдоскопа дает гораздо большее представление о человеке, чем его биография – родился, учился, женился...

– В ранней молодости вы вели дневники. А сейчас?

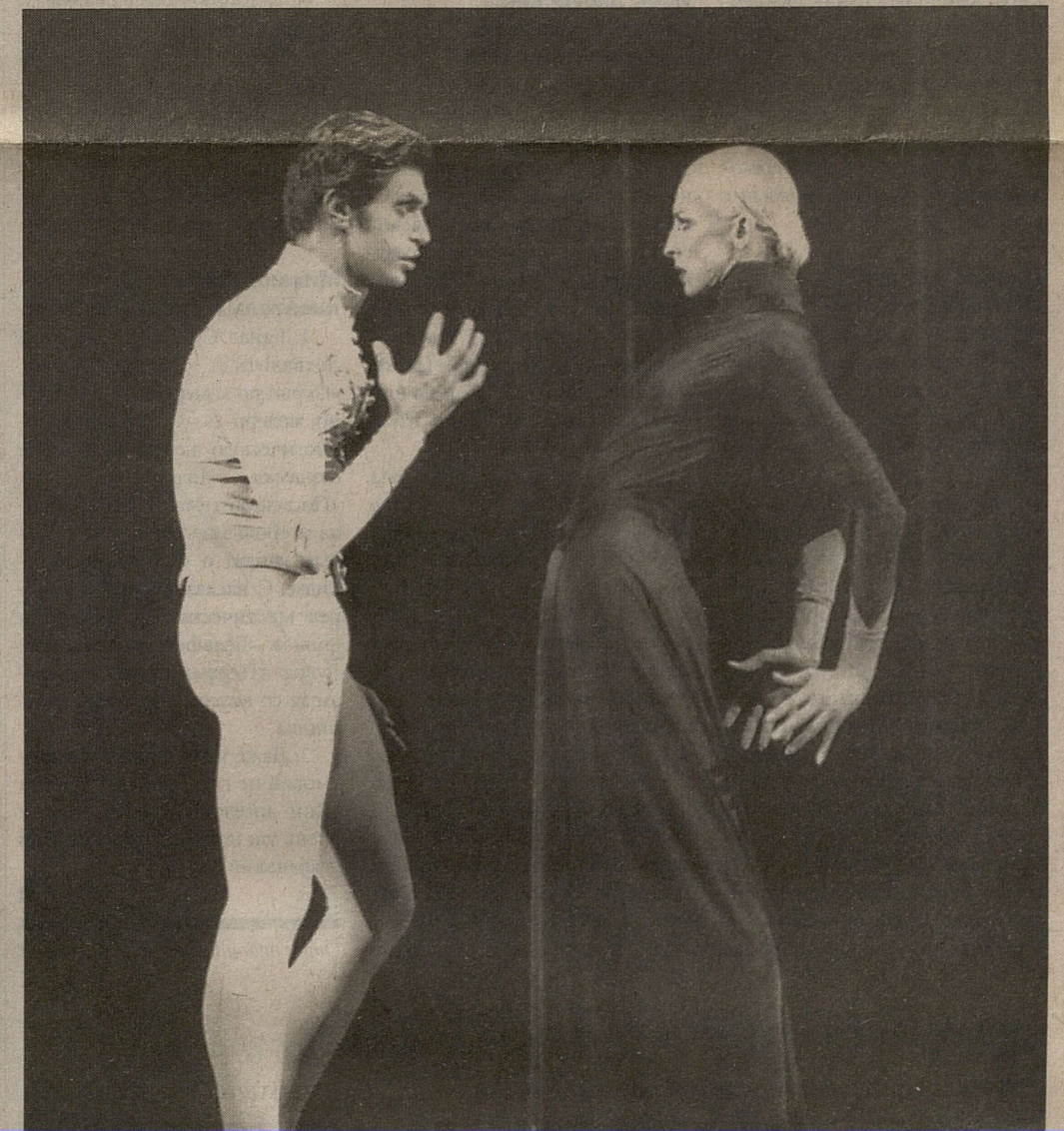
– Сейчас нет. Только записываю свои размышления, когда готовлюсь к спектаклям. Хотя, безусловно, люблю писать, меня тянет к слову. Как сказала одна дама, владелица известного сорта шампанского: «Я пью шампанское, когда мне хорошо и когда мне плохо, когда мне грустно и весело, когда ко мне приходят друзья и когда они уходят... а в остальное время я пью шампанское, когда мне хочется пить». Вот я так пишу.

– Вы не любите рекламу, не жалуете электронную почту и не слушаете современную

меня дома до четырех утра, говорили о том, как мы друг друга любим.

– Одна из причин, по которой люди идут в актеры, – наличие в характере человека стремления к публичности и серьезное самолюбие, которые и гонят его на сце-

там, к сожалению, проходят всякие презентации, концерты. Еду туда и думаю: какой ужас, какое непотребство, что я в таком месте буду танцевать. Когда приехала, оказалось, что на сцене нет специального покрытия для танцев. Вот и хорошо, услышаны мои молитвы. И предла-

шей квартиры которой когда-то поселился Марис Лиепа, а теперь живет его дочь. Но эти подробности остались на обочине нашей беседы. Илзе не торопилась отвечать даже на вопрос о своей последней премьере. Обозревателю «НГ» было твердо указано: давайте говорить спонтанно, а не по заготовкам. В этих условиях про юбилейную дату актрисы (информационный повод беседы) интервьюер просто побоялся спросить. И решил: что ж, импровизация так импровизация. Тут в глаза бросился драгоценный крест на шее Илзе...

Илзе, в последние годы вы постоянно говорите, что существует одна истинная ценность – вера. Остальное как бы мнимость. Искусство тоже? Но вы продолжаете быть активно действующей актрисой.

– Тогда надо делать выбор. Либо бросать то, чем ты занимаешься (что, кстати говоря, сделал мой брат Андрис), либо идти по выбранному пути, который у каждого свой. С одной стороны, есть закономерность в том, что мы родились в этой стране, в этой семье, попали на это место в жизни. С другой, великий певец Шаляпин после каждого выступления в роли Мефистофеля исповедовался и причащался, но продолжал петь. Так ли это было хорошо? Может быть, мы просто не доросли до того, чтобы сказать себе: этот путь для меня исчерпан и надо идти другим, более высоким путем?

Для меня балетная часть жизни давно уже стала не желанием, но послушанием. Продолжаю заниматься балетом не потому, что хочу танцевать, а потому, что жизнь предлагает мне ситуации, которые мне гораздо сложнее принять, чем отвергнуть. Балет – это трудно, мучительно, это внутренняя борьба с собой. Легче было бы сказать: все, этим не буду больше заниматься. Но пока не дают, что-то еще нужно сделать. Не могу сказать, что балет мне не нравится и что он надоел. Но я определенно от него устаю.

Многие представители Церкви утверждают, что театр и вообще искусство – это бесовщина. Вы, кажется, с этим согласны?

– На этот вопрос нет однозначного ответа. Для людей истинно духовной жизни, для монашествующих, например, искусство не нужно. Посмотрите любой акафист, и вы увидите, что церковное пение – высшая степень музыкальности. Для тех, кому это недоступно (к этим людям я отношу и себя), существует искусство. Оно – выход в высшее, возможность очищения, способ заглянуть внутрь себя. Но мы с вами понимаем, что искусство искусству рознь. Иконы Андрея Рублева – это одно, и другое дело – пьесы Со рокина.

То есть если художник не говорит напрямую о добре, то он непременно адепт дьявола и агитатор зла?

– Есть замечательная формулировка: грех – это бунт твари против творца. Я сегодня ехала в театр, включила радио и слышу рекламу. Приятный женский голос говорит: «Журнал «Она». Секс: где, когда, с кем». Я не хочу сказать, что не знаю слова «секс». Но какой ужас, что мы живем во времена, когда пропагандируется грех.

С некоторых пор Илзе Лиепа относится к балету как к послушанию.

Фото Дмитрия Куликова

Как актриса, вы можете сказать, что качественно сделанная артистом роль и есть проявление божественного? В отличие от плохо сделанной роли. И можно ли определить: «Черный квадрат» Малевича – это высокое или низкое?

– Альфред Шнитке говорил, что в процессе творчества тебе дается откровение, но к этому долго готовишься. Надо корпеть, корпеть, и вдруг получаешь подарок. Ты совершенно точно знаешь, что это дар свыше. И как сказать, хорошо это или плохо? Это не тебе принадлежит.

Я не считаю, что в смежных областях искусства я человек образованный. Но всегда стараюсь подходить к искусству эмоционально. Чего мне, кстати, не хватает в критиках. Вы себя настраиваете на беспристрастность, на рассуждение и тем закрываетесь, лишаетесь эмоций. А в любом спектакле главное – атмосфера. Вот мой любимый пианист Михаил Плетнев. На его концертах такая энергетика! И бессмысленно писать о технике Плетнева, о том, как он перебирает пальцами. Потрясает не это, а то, что со слушателями происходит!

Если для вас важна иерархия смыслов, зачем вы включаете в свою биографию светской жизни и прочие «низменные мелочи»?

– Показы мод и прочее такого же рода, о чем вы спрашиваете, – это устоявшийся атрибут моего места в жизни. С большей или меньшей степенью приятности приходится в эту игру играть. Я не хожу на все тусовки, на которые меня зовут; приглашения часто летят в корзину. Была недавно на открытии бутика – человек, который меня приглашал, так умо-

Для Илзе Лиепы искусство – это способ заглянуть внутрь себя.

Фото Дмитрия Куликова

лял, что я сдалась. Звонит муж и спрашивает: «Ты где?» А я отвечаю: «Можешь себе представить – еду на открытие бутика! Это же как надо было меня

уговаривать, чтобы я согласилась!»

Наше с вами интервью – тоже из этой области. Звонки идут постоянно, по три-четыре

в день, просят о беседе. Мне это не нравится, мало с кем интересно, все спрашивают об одном и том же. И еще обижают: Илзе, вы такая закрытая. Это

иногда зовут танцевать, а в ответ предлагаю: давайте я вам специально для меня. Сначала мне что-то не понравилось, и я хотела отказаться. Но вдруг поняла, что если он сейчас уйдет с моим отказом, это будет совершенно неправильно. У нас в начале ноября была премьера, и потом мы сидели с актерами у

рождения Синеи Воробья. Андрей Максимов написал пьесу специально для меня. Сначала мне что-то не понравилось, и я хотела отказаться. Но вдруг поняла, что если он сейчас уйдет с моим отказом, это будет совершенно неправильно. У нас в начале ноября была премьера, и потом мы сидели с актерами у

Илзе Лиепа: «Я не люблю пошлость и накипь современной жизни»

меня дома до четырех утра, говорили о том, как мы друг друга любим.

Одна из причин, по которой люди идут в актеры, – наличие в характере человека стремления к публичности и серьезное самолюбие, которые и гонят его на сце-

там, к сожалению, проходят всякие презентации, концерты. Еду туда и думаю: какой ужас, какое непотребство, что я в таком месте буду танцевать. Когда приехала, оказалось, что на сцене нет специального покрытия для танцев. Вот и хорошо, услышаны мои молитвы. И предла-

Николай Цискаридзе и Илзе Лиепа в балете «Пиковая дама». За исполнение роли графини балерина была удостоена Государственной премии.

Фото Игоря Захаркина (Большой театр)

ну. Все, что вы мне говорили, – это рассказ о сражении с собственным тщеславием?

– Я не могу сказать, что, когда я иду по партеру Большого театра и слышу вокруг шепот: «Смотри, это Илзе Лиепа», мне становится неприятно. Но когда я захожу в ЦУМ за шампунем и слышу эту же реплику, мне не нравится. Коллеги балетные меня спрашивали: «Почему тебя устраивает Драматический театр с залом на 70 человек после огромного зала Большого театра?» Я подумала: и правда, почему? Потому, что самое главное – то, что случается внутри тебя самого, и не важно, где это происходит. Еду как-то по Садовому кольцу без пяти семь, вижу афишу: премьера спектакля Олега Меньшикова. И думаю: сейчас у Олега и ребыт, которые на сцене, ощущение, что центр мироздания там, у них в театре. А меня, в маши-

нах им «Онегина». Организаторы замялись: у нас, говорят, в программе вечера уже есть стихи, Ия Саввина читает, а вам бы лучше станцевать. Извините, говорю, танцевать на паркете невозможно, я вынуждена отказаться. «Ну ладно, читайте», – согласились они. Такой же концерт должен был состояться и на следующий день. Когда я прочла Пушкина, ко мне подошли и сказали: «Завтра тоже вместо танцев почитайте стихи». Вот это была победа!

В Драматическом театре, который теперь вы любите больше балета, вам постоянно предлагают роли королей и маркиз, из эпохи, когда, как сказал тот же Максимов, «поцелуй дамы ценился больше рукопожатия начальника».

– Неправда. Сначала это было действительно так, но в последнем спектакле я играю мужчи-

музыку. Так не нравится время, в которое живете?

– Я не люблю пошлость и накипь современной жизни. Вот в нашем разговоре возникло слово «время». Я над этим часто размышляла, и мне кажется, что время при Пушкине и время сейчас – это разные категории, наш быстротечный час – не размеренный час девятнадцатого века. Мы сумасшедшие, не живем, а носимся, общаемся информативно: дайте интервью, спросите, как дела. Говорим не «я пошла», а «я побежала». Некогда подумать, поговорить с человеком. Нормальная беседа – сумасшедший дефицит и в моей жизни тоже, и когда такое случается, ты понимаешь – это чудо, а мы его лишены по собственному выбору. Вот тяжесть нашего времени.

А с мужем успеваете разговаривать?

– Пытаемся.